

Отметим, что жизненное пространство частного мира в условиях революционного транзита становится рискогенной средой, содержанием которой выступают амбивалентные процессы конструктивного и деструктивного, рационального и иррационального.

Список источников и литературы

1. Медушевский А.Н. Была ли неизбежна русская революция 1917 года? // Обозреватель. – 2012. – № 11. – С. 114–127.
2. Глебова И.И. Павшая власть – падшая власть (О судьбе монархии в революциях 1917 г. и сакрально-символическом значении верховной власти в России) // Труды по россиеведению: Сб. научн. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; гл. ред. И.И. Глебова. – М., 2009. – Вып. 1. – С.117–170.
3. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
4. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 231 с.
5. Кельсон З. Милиция февральской революции // Былое. – 1925. – №1. – С. 161–179.
6. Захарова К.Л. Мимикрия как способ политической адаптации в пост-февральском политическом пространстве Сибири (март – октябрь 1917 г.) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2015. – С. 45–64.

ДОМ И СЕМЬЯ

УДК 94(470)41

И.В. Маслова

**Революция и предпринимательство:
судьбы Стахеевых после 1917 г.
(на материалах личного происхождения)**

Переосмысление Великой русской революции в современной исторической науке проходит сразу в нескольких научных ракурсах: методологическом, историографическом и источниковедческом. На наш взгляд материал для методологических теорий, историографических обзоров и обобщений дает именно всесторонний и детальный источниковый анализ. Документальное наследие русской революции необычайно широко, вместе с тем в формировании ее современной объективной картины особую роль играют источники личного происхождения, хранящиеся в семейных архивах. Работу с дневниками, мемуарами, письмами проводят с учетом трех подходов: информационного, коммуникативного и биографического. В первом случае источники личного происхождения являются носителями исторической информации о прошлом; во втором, последовательно воплощают процесс самоанализа личности и становление межличностных отношений; в третьем, выступая продуктом творчества отдельной личности, отражают биографические особенности жизненного пути.

Источниковым корпусом, для написания статьи стали материалы личного архива Екатерины Павловны Головановой, которая является прямым представителем «французской» ветви Стахеевых. Екатерина Павловна пра-внучка Петра Васильевича и Веры Ивановны Стахеевых. Архив состоит из документов различных категорий и разных периодов: дореволюционный период, годы Первой мировой войны, гражданской войны и жизни Стахеевых в Сибири, и наконец, эмиграции в Китай потом во Францию. Эти документы были вывезены из России Верой Ивановной Стахеевой, которая пройдя

трудный путь эмиграции, жила со своей младшей дочерью Екатериной Петровной в Биарриц. После смерти в 2005 г. Екатерины Петровны хранительницей семейного архива Стахеевых стала Екатерина Павловна.

Еще одним источником стали, «Воспоминания о русской семье» – Татьяна Карсон (в девичестве Стахеевой) об эмиграции их семьи в Сибирь. Рукопись, написанная в 70-е гг. XX в. на английском языке, долгое время хранилась в Лондоне, в семье Карсон. Рукопись была переведена на русский язык и опубликована ограниченным, менее десяти экземпляров, тиражом Евгенией Третьяковой (правнучкой Владимира Ивановича Стахеева).

Революционный кризис 1917 г. не оставил российским купцам выбора, Советская Россия не нуждалась в предпринимательском опыте «третьего сословия», единственной возможностью выжить и спасти семьи для многих стала эмиграция. Большая часть провинциальных купцов покидали Россию через Сибирь, что, конечно же, изменило облик и повседневность сибирских городов 1918–1919 г. Ряды русского дворянства и купечества с Волги и Камы, хлынувшие бурным потоком на Восток, опасаясь большевистского террора, пополнили и Стахеевы.

Семья купца Петра Васильевича и Веры Ивановны была большая: семеро детей. Накануне революции Петр Васильевич Стахеев работал в своей конторе в Санкт-Петербурге, старшие дочери Татьяна и Вера учились в гимназии Алферовой в Москве. А супруга Вера Ивановна с младшими детьми (Ириной, Василием, Глафирой, Петром, Екатериной) жила в имении Святой Ключе (Уфимская губерния). На рождественские и летние каникулы вся семья собиралась вместе на Святом Ключе.

В январе 1917 г. сестры Стахеевы, традиционно проведя рождественские каникулы в имение Святой Ключ, вернулись в московскую гимназию. В марте стало известно об отречении Николая II и переходе власти в руки Временного правительства, но и эти события мало изменили размеренный ход жизни семьи. После сдачи переводных экзаменов Татьяна и Вера провели каникулы вместе с семьей на Святом Ключе. Но вернувшись к началу учебного года в Москву, почувствовали перемены. «В период Октябрьской революции в гимназии проводили ученья по полной эвакуации всех трехсот учениц вниз по лестнице, через черный ход, если мадам Коллонтай и большевистские лидеры придут захватывать школу с парадного входа. Александра Степановна (учредитель и директор гимназии) решила, что во время восстаний и обстрелов, нас, старших учениц лучше всего занять домашней работой, уборкой, наведением порядка в классных комнатах, что позволяло отвлечь нас от происходивших событий и морально поддержать. Однажды, когда я вытирала пыль с пианино, через окно влетела пуля и прямо над моей головой простре-

ла стену» [2, с. 76]. Зимой 1917–1918 гг. в Москве девочкам приходилось страдать от голода. Продукты, которые присылали им из Елабуги из-за перебоев в работе транспорта до Москвы не доходили, если все-таки посылка приходила, то продукты оказывались уже испорченными. Несмотря на трудности, девочки блестяще закончили гимназию: Татьяна с золотой, а Вера с серебряной медалями.

Весной 1918 г. революционные события докатились уже и до Уфимской губернии. Напуганный революционными событиями, П.В. Стахеев собрал всю семью в имение Святой Ключ. Но к этому времени, вся земля, сады, расположенные в имение были конфискованы. Летний домик был изъят, в нем разместили детский лагерь из Москвы. Только благодаря поддержке местных крестьян, которые «стояли горой» за Стахеевых, купеческой семье оставили зимний дом.

Дети из летнего лагеря разрушали все кругом. В один из дней, предварительно порезав и порвав все противопожарные шланги, лагерники устроили пожар в летнем доме. Стахеевы, вместе со слугами, вынуждены были выстроиться в цепочку до самого берега реки Камы и тушить пожар, передавая друг другу ведра с водой. На этом «детские шалости» не закончились, уезжая в Москву, дети проделали в углах дома дыры и запустили туда гадюк из ближайшего леса.

В это же время начались обыски и аресты. Петр Васильевич опасаясь, что из-за него пострадает вся семья, вынужден был бежать. Татьяна так описывает последний день с отцом: «Однажды он взял несколько вещей, сел в лодку и поплыл вниз по Каме. Больше мы его никогда не видели» [2, с. 78].

Петр Васильевич очень переживал за судьбу своей семьи. В архиве К.П. Головановой сохранилась телеграмма, отправленная 27 июля 1918 в Елабугу некому Молькову из Нижнего Новгорода, где прятался Пётр Васильевич: «Телеграфируй здоровье Веры Ивановны и детей». Ответ набросан на той же бумаге: «Все здоровы и благополучно Можно приехать. Мольков.» Пётр Васильевич вернулся к своим, но месяц спустя, всвязи с угрозой прихода «красных» вынужден был опять бежать. Уже во Владивостоке одна из дочерей Вера Петровна, которая вышла замуж и задержалась во Владивостоке дольше остальных членов семьи Стахеевых, получила письмо с известием о смерти отца: «Он скончался в Н-Новгороде 4-го февраля 1920 года и.т. от угара. Накануне он сидел до 11 часов вечера у моей жены, был очень веселый, а утром нашли его мертвым в его комнате». Печальное известие в письме сообщил в декабре 1920 её дядя, Владимир Иванович Докучаев [3]. По другой версии Петр Васильевич погиб недалеко от Рыбинска в бою между красными и белыми.

Вскоре пришло время и оставшимся членам семьи покинуть Святой Ключ. Одна из стахеевских служанок сообщила, что семью богатого купца большевики хотят взять в заложники. Семья спешно покинула имение и двинулась к отдаленной мельнице в Уфимской губернии. Мельник поселил их самой большой комнате, но в ней не было кроватей, беглецам приходилось спать на голом полу. «Каждый раз, завидев марширующие роты солдат вдалеке, мы вынуждены были прятаться на сеновале» [2, с. 79]. Татьяна тяжело заболела и Вера Ивановна приняла решение вернуться на Святой Ключ, где в детском лагере работала женщина – врач. После того как Татьяна поправилась, в один из дней пароход из бывшей стахеевской флотилии с солдатами на палубе остановился на Святом Ключе, чтобы набрать воды. Капитан судна, хорошо знавший Петра Васильевича, предложил семье поплыть с ними. Взяв только самые необходимые вещи и драгоценности Веры Ивановны, семья Стахеевых направилась вверх по Каме, а затем по Белой.

Как многие представители дворянства и буржуазии Вера Ивановна надеялась, что потрясения продлятся недолго и семья вернется в имение, поэтому она тщательно составила список серебра, оставленного в Елабуге. В списке, переписанном трижды, содержалось 349 предметов (столового серебра) весом 80,174 фунтов (примерно 32 кг). В годы Первой мировой Петр Васильевич купил много облигаций военных займов, которые семья тоже взяла с собой. Вера Ивановна взяла с собой облигации государственных краткосрочных займов (в архиве 9 облигаций в 10.000 руб., 7 в 1000 руб., пачка в 100 руб. займа 1916 г.). Интересно, что проценты в 5,5% ей выплачивались до мая 1919, а вырезанные купоны на ноябрь остались невыплаченными; в начале декабря 1919 г. [3]

Отправившаяся в неизвестность семья Стахеевых, сделав небольшую остановку в Уфе, решила поехать в Сибирь по железной дороге. Из-за отсутствия пассажирских вагонов, ехали в вагоне для скота. Обычные вагоны для восьми лошадей, как выяснилось, были вполне пригодны для сорока человек. Путешествие было долгим, более месяца и очень утомительным. Но как пишет Татьяна в своих воспоминаниях «Нам повезло, что на нас не напали, не ограбили и не убили банды преступников, отпущенные из сибирских тюрем господином Керенским, чему свидетельствовали сожженные кареты, встречающиеся нам на пути» [2, с. 81].

Новониколаевск, куда приехала семья Стахеевых, находился в руках белых. Поначалу большая семья остановилась в единственной в городе гостинице, но вскоре сняли две небольшие комнаты в маленьком домике на вокзальной площади. Вера Ивановна со старшими детьми разместились в одной комнате, а младшие дети, с двумя служанками в другой. Этому периоду

жизни семьи посвящена маленькая по объему записная книжка, исписанная простым карандашом и составленная Верой Ивановной. Она начинается 1-го октября 1918 г. «9 октября переехали на Михайловскую ул... за квартиру ...: 600 р». Почти все траты шли на питание большой, состоящей из восьми человек семьи, служанки Дуняши и гувернантки Фелиси. «Приходится часто шить или возобновлять обувь детей, платить учителю», но встречаются и такие строчки: «29-го декабря театр детям – 15 руб.». Записи в Книжке заканчиваются датой 15-ого марта 1919 г. [3]

Пережившая голодную зиму в Москве в 1918 г. Татьяна, с облегчением отмечает, что в Сибири было много продуктов: мясо, дичь, масло, но совсем не было сахара. В Новониколаевске работала американская миссия Красного Креста и старшие девочки Татьяна, Вера и Ирина, прекрасно владевшие английским языком, что для Сибири было редкостью, устроились на работу переводчицами.

Жизнь продолжалась, и в этих новых для купеческой семьи условиях, приходилось многому учиться. Вере Ивановне и старшим детям самим приходилось ходить на рынок, выбирать мясо и другие продукты.

Денег не хватало, даже на самое необходимое, поэтому брались за любой дополнительный заработок. Татьяна стала давать частные уроки английского и французского языков двум польским генералам. В Новониколаевске было много польских солдат, в основном это были бывшие военнопленные, захваченные австрийскими солдатами. Действовал даже польский клуб, в котором организовывались танцевальные вечера. Сестры Стахеевы иногда посещали его.

Имея на Святом Ключе собственный конный выезд, Стахеевы скучали по верховой езде, поэтому, когда Татьяну пригласили на конную прогулку с группой британских офицеров Омской военной миссии, она с удовольствием согласилась. Вся семья стала готовить Татьяну к прогулке: одолжили на время ботинки у одного из младших офицеров, а служанка Дуняша сшила из хлопчатобумажной ткани, взятой в Красной Кресте, отдельное пальто для верховой езды.

Новое испытание ждало семью зимой, когда начались сильные морозы, до минус сорока. В довершение ко всему началось отступление войск Колчака. Благодаря работе в Красном Кресте, у Стахеевых появилась возможность эвакуироваться вместе с этой организацией в Иркутск. «Мы ещё надеялись, что все эти ужасы скоро закончатся, и мы вернемся назад. Но даже не могли себе представить, что это затянется более чем на шесть лет. А в действительности, навсегда...» [2, с. 83].

Из Иркутска отправились во Владивосток. Четвертая записная книжка начиналась словами: «Приехали на Ст. Океанскую (Владивосток) 26-го сентября 1919 ст.ст.». Несколько дней пришлось ночевать в машине, т.к. город был заполнен беженцами, солдатами и моряками. С трудом удалось снять комнаты в летнем домике, на улице Океанической. Татьяна с Верой устроились на работу во французское военное дипломатическое представительство. Жизнь во Владивостоке была очень дорогой: «хлеб, сушки 85 р.; дрова 2000р.» [3].

Младшие дети не понимали всей тяжести испытаний выпавших на долю семьи, а расценивали ситуацию как временное захватывающее приключение. Петр, которому в то время было десять лет, был задорным озорником и приходил в восторг от вида армии, банд противников. Мальчик страстно любил животных, результатом чего стал случай во Владивостоке, когда Петра покусала бешеная собака. Ребенку пришлось делать болезненные инъекции в живот. Вера Ивановна старалась облегчить жизнь семьи, свои вниманием и заботой. Но, «оставаться в городе было опасно: людей, известных, как состоятельные, похищали и грабили бандиты. Похищенных удерживали в городах и требовали за них выкуп. У нас, конечно же, уже не было никаких денег, так как банки в России были национализированы. Остались только Мамины украшения» [2, с. 84]. Во Владивостоке Стахеевы оставались недолго, о чем свидетельствует запись от 22-го ноября 1919 г.: «китайцу носильщику 200 р.; паспорта 60р.». А дальше уже про Китай [3]. Вера Ивановна принимает решение эмигрировать в Шанхай, где уже жил её брат.

Но во Владивостоке остается ее старшая дочь Вера Петровна, которая в 1920 г. вышла замуж за офицера Белой армии, и семейство увеличилось. Сохранилось письмо ее дяди В.И. Докучаева, написанное в 1920 г., в котором он пишет о её браке: «Я только что получил письмо, в котором сообщили Твой адрес, а также о Твоем замужестве. Прежде всего поздравляю Тебя... К сожалению, в письме не пишут за кого Ты вышла замуж, как Твоя фамилия». В мае 1922 г. Вера Петровна телеграммой сообщила матери о рождении дочери Татьяны. В январе 1924 г. у Веры Петровны родился второй ребенок – сын Алексей. Несмотря на материальные затруднения, Вера Ивановна посылала дочери деньги во Владивосток. А в 1924 г. Вера Петровна покинула Владивосток и приехала с детьми жить к матери [3].

В мае 1923 г. вторая дочь, Татьяна Петровна, вышла замуж за английского дипломата, и её дальнейшая жизнь сложилась в Англии. Так начался период зарубежной эмиграции семьи Стахеевых. Оставив в горячо любимой России все свое состояние, Стахеевы свято хранили память о Елабуге, об истории своего купеческого рода, его славных представителях.

Второй возможный жизненный маршрут российского купечества условия революционных событий – отказ от нажитых капиталов, формальное признание новой советской власти, в замен на «тихое существование» в советской России. Именно такой жизненный сценарий предпочла избрать потомственная почетная гражданка Елабуги, купчиха Глафира Федоровна Стахеева. Летом 1918 г. Глафира Федоровна ездила к сыну Федору Васильевичу в Петроград, но несмотря на опасность и сложность ситуации решила вернуться в Елабугу.

Через разрушительных погромов и арестов пронеслась по Елабуге с приходом советской власти. Глафира Федоровна вынуждена была, оставив все свое имущество, покинуть родной дом на Набережной улице и поселиться в Казанском Богородицком монастыре. Глафира Федоровна поддерживала связь с эмигрировавшей за рубеж семьей сына Петра Васильевича. В личном архиве Е.П. Головановой хранятся три письма Глафиры Федоровны Стахеевой, которые Вера Ивановна получила из Елабуги в 1925–1926 гг. В первом письме от 1 января 1925 г. Глафира Федоровна сообщает, что живет в монастыре и очень скучает по внукам: «Ах, как бы я на Вас на всех посмотрела я думаю которых уже и не узнаю. Очень соскучилась о всех Вас, да и жизнь здесь монастырская очень скучная» [3].

Год спустя Глафира Федоровна присылает еще одно письмо, в котором поздравления с праздниками и новости о родственниках: «живется неважно, что продадут то только на это и живут... от Марии я получила письмо из Николаевска, у ней пишет родилась дочка». Прожив при советской власти почти десять лет, Глафира Федоровна осознает, что обратной дороги нет: «О всех Вас я очень соскучилась, очень желательно было бы повидаться, но только это несбыточная мечта». Из третьего письма становится ясно, что у Глафиры Федоровны серьезные проблемы со зрением, поэтому она ездила в Москву «посоветоваться с профессором», который «сказал нет! Не ослепнете!». Письмо датировано 19 (30 сентября) 1926 г. Весной 1927 г. Глафира Федоровна умерла и была похоронена на кладбище монастыря, некогда построенного на средства представителя её славного рода, Ивана Ивановича Стахеева. В 1929–1930 гг., монастырь, а вместе с ним и монастырское и кладбище было уничтожено.

В процессе исследования автору удалось обнаружить еще одну версию судьбы Глафиры Федоровны после революции. Согласно воспоминаниям воспитанницы елабужского епархиального училища Алевтины Алексеевны Жуйковой Глафиру Федоровну «умертили на электрическом стуле на своей даче» [1]. Не ясно откуда мог взяться электрический стул в тот период в России. Возможно, это просто образное выражение, возникшее у А.А. Жуйковой

намного позднее, в период, когда она писала свои воспоминания. А может быть в тот период ходили подобные слухи. Но Алевтина была убеждена в своей «версии», т.к. записала ее не только в своих воспоминаниях, но и оставила маргинальную надпись напротив фотографии Г.Ф. Стахеевой в своем выпускном альбоме, который экспонируется в Музее истории Елабужского института Казанского федерального университета.

Подводя итоги, отметим, что источники личного происхождения, хранящиеся в семейных архивах Стахеевых, позволяют изучать революционные события и их последствия в контексте личного восприятия и преломления исторической информации, характеризуют включенность их авторов в исторические события и эпоху. Удивительным и бесспорным остается факт надежды предпринимателей на временность революционных событий, и убежденность в возможности возвращения дореволюционных устоев.

Список источников и литературы

1. Воспоминания Жуйковой А.А. о Елабуге // Фонды музея истории Елабужского института КФУ.
2. Карсон Т. Воспоминания о русской семье / Пер. Е.В. Третьяковой. – Краснодар: [б.и.], 2009. – 85 с.
3. Стахеевский семейный архив // Личный архив Е.П. Головановой.

Н.И. Тауров

События 1917–1918 годов и татарские предприниматели Акчурины

1917 год положил начало революционным преобразованиям в самых различных сферах жизни российского общества: социально-экономической, политической, духовной. Революционные события 1917–1918 гг. самым существенным образом повлияли на историю не только России, но и других стран мира. В первую очередь, перелом 1917 г. сказался на судьбах всех народов страны, в том числе татарского.

При новой власти 1917–1918 гг. резко изменились судьбы и возможности российских предпринимателей, в том числе из числа татар.

Данное явление можно проследить на примере известных татарских предпринимателей и меценатов России Акчуриных. Несмотря на сложнейшие проблемы Первой мировой войны Акчурины как и другие предприниматели России встретили 1917 г. с большими планами и надеждами. Из них никто не мог предполагать какие потрясения и трудности ждали их в новом году.

Революционные события 1917 г. и их последствия самым серьезным образом повлияли на жизнь и деятельность Акчуриных. Они вошли в историю как крупнейшие фабриканты сукна, щедрые благотворители и меценаты из татар России.

Одна часть Акчуриных категорически не приняла результаты событий 1917–1918 гг., новую власть, ее решения и конкретные шаги, охватившие все стороны человеческой жизни. Данная группа вчерашних предпринимателей категорически не восприняла кардинальные перемены, во всех сферах жизни: социально-экономической, духовной, и, конечно же, в политической. Как политический результат этой заявленной позиции – Акчурины оказались за пределами страны. Акчурины, их сыновья и дочери оказались в других сопредельных и дальних странах. Среди географических точек, куда переместились вчерашние фабриканты, меценаты и их родные, следует назвать Китай, Турцию, США, Канаду...

Следует сказать, что абсолютное большинство Акчуриных после 1917–1918 гг. осталось жить в России, связав свою биографию и жизнь с судьбами своих сородичей и других народов страны.